

## Василий Касимирович

Заводилосе пирóваньё-столóваньё  
Да у ласкова князя у Владимира,  
Заводилсе почестен пир.  
Все сидят гости званые,  
Промежду собой похваляются.  
И тут выходит наш Владимир-князь.  
Он-то ходит нынь по гриденки,  
Он каблук о каблук поколачивает,  
Он ясныма очама приразваживат,  
Тихо-смирну речь выговариват:  
«Вот все сидите, гости званые,  
Все сидят, потешаются,  
Промежду собой похваляются.  
Есть на вас ныне служебка,  
На того же бы Васильюшка,  
Да Василья Касимирова.  
Он (ы) съездит в землю дальнюю  
Свезти дань ныне пошлины,  
Да которы завалились за двенадцеть лет,  
[Да не русским не выплатить  
Всё казне мурзомецкоей],  
Да Батую Кайманову.  
Ныне сколько ездило боғатырей,  
Оттуль нихто не ворочалсе.  
Че нынэ надо съездить туда  
Да свезти дани-пошлины,  
Да которы завалилисе,  
Завалилисе за двенадцеть лет:  
Ныне сорок сороков черных соболей,  
Да бы сорок тысяч больших жеребцов,  
Сорок тысяч золотой казны,  
И не рассчитатьсе нам начисто».  
Что тут вставал наш Василей нынь,  
Да Василей Касимирович,  
Он вставал на резвы ногі,

Говорил таковы слова:

«Ты ле ой еси, наш солнышко,  
Ты бы, солнышко Владимир-князь,  
Еще дай мне товарища,  
Мне товарища Добрынюшку,  
Нам двоим-то ребятам веселó будёт».

Тут вставал как Добрынюшка,  
Он вставал на резвы ногí,

Говорил таковы слова:

«Ой еще дайте Олёшенькю,  
Нам троим бы, ребятушкам,  
Нам троим веселó будёт».

И согласились тут ребятушка,  
Им бы дал нынь Владимир-князь.

«Нынь Владимир-князь, наш солнышко,  
Ныне дай нам, нам волюшку,  
Снаряжай нам черлен караб.  
Вы грузите добрых коней,  
Вы отсчитывайте нам золото,  
Всю бы дань нам бы пошлины,  
Нам бы съездить в землю в дальнюю,  
Нам свезти бы дани-пошлины  
Ко Батую Кайманову».

И снарежались добры молодцы,  
Отправлялись наши молодцы,  
Им грузили же дани-пошлины.

Тут принимал у нас Василей Касимирович

Всю бы дань ныне пошлину,  
Как котора завалилась нынь,  
Завалилась за двенадцеть лет,  
Рассчитаться ему начисто.

Ведь снарежались ребятушка,  
Сподоблялись в дальню дóрожку.

И они пошли бы нынь, ребятушка,  
К пресвятой Богородицы:

«Не посóбит ли нам нынь она,  
Нам свезти бы дани-пошлины,  
Как которы завалились,  
Завалились за двенадцеть лет,

Рассчитаться с им бы начисто».  
Да тут пошли бы трое ребятушка,  
Помолились создателю,  
Как создателю небесному,  
Как <пре>святой Богородицы.  
И они брали коней добрых,  
Заводили они на карабли,  
И брали всю дружинушку,  
Всё дружинушку хорошую,  
Всё хорошую, послушную.  
И распростились ребятушка  
Нынё с Владимиром-солнышком,  
Да бы <с матерью> с Апраксеей,  
Тут и Ильёй старым Муромцём,  
И распростились с богатырям,  
И со малыма, могучима,  
Отправлялись на карабли,  
Распростились, поехали.  
Да поклали они сходенки,  
Оне убрали тут якоря,  
Распустили белы парусы.  
Оне бежали день до вечера,  
Темну ночку бела светá.  
Пробежали трои суточки  
И тут завидели нынь ту землю,  
Да землю-ту Батуеву.  
Там стоят черны карабли.  
Они подбóрали себе местó,  
Тут бы местечко подткрытое,  
Они пристали на своё место:  
«Не схватали хошь бы тотара бы,  
Нынь тотара нечестивые».  
Выводили коней добрыя,  
Становили белы шатры  
И распростились с дружинушкой,  
Да с дружинушкой хорошей:  
«Если будём мы когды живы́,  
Мы воскликнем вам громким голосом —  
Вы спешите тогды к нам скоро-наскоро.

Не сдавайтесь тотарам нынь,  
Подъте ныне в морё синё,  
Там бы плавайте во море вы.  
Мы повезем дани-пошлины,  
Мы расплатимсе с Батуем бы».  
Выносили дани-пошлины,  
Ай тут отправились ребятушка.  
Нынь ребята во синё морё.  
Те остались на крутом бережку:  
Да Василей Касимирович,  
Да Олëshенькя Попович брат,  
Да Добрынюшка Никитич-от.  
Они пировали тут бы суточки,  
Ай столовали они двои тут.  
Да на третьи просыпалисе,  
Отправлялися к Батую нынь,  
Как везти бы дани-пошлины,  
Да которы завалилисе,  
Завалилисе за двенадцеть лет,  
[Да не русским ли не выплатить  
Всё казне мурзомецкой.]  
Поезжает нонь Василий Касимирович,  
Распрощалсе бы с братьями.  
Они друг с другом побратовалисе,  
Назвалисе родныма братьями,  
Чтобы друг друга в горе не выдать бы.  
Он поставил стальной бы нож,  
Он заткнул нынь в столешницу:  
«Есле буду я живой — не будет нож бы ржáвети,  
Есле буду я в неволюшки —  
Тут прокаплет кровь ле бы красная».  
И он бы сел, добрый молодец,  
Распростилсе с товарищам,  
Он поехал в столицу нынь,  
Нынь к Батую, ему дань везти.  
Разъезжал-ко добра коня,  
Он скакал он теперь через башню угольную,  
Через стену городовую.  
Конь копытами да не задел.

Он поставил коня доброго,  
Не привязывал коня теперь:  
«До моего коня и дела нет».  
Он пошел к Батую в гридню светлую.  
Под им лесенки сгибаются,  
Да от рук вереюшки шатаются.  
Он не спрашивал у дверей придверничков,  
У ворот приворотничков.  
Он идет в гридню светлую.  
Он заходит в гридню светлую  
И здороваётся с товарищем,  
Да с тем же Батуем же.  
«Ты гой еси, добрый молодец!  
Ты куда же ныне правишьсе,  
Ты куда перепуть дёржишь?  
Ты приехал битьсе-ратитьсе,  
Али нонь ты за добрым делом,  
За добрым делом, за сватаньем?» —  
«Я приехал к тебе с данью-пошлиной,  
Я не битьсе, не ратитьсе,  
И с тобой не кровавиться.  
Я привез тебе дань-пошлину,  
Завалилась за двенадцать лет,  
Рассчитаться с тобой начисто:  
Что как бы сорок сороков больших жеребцов,  
Сорок тысяч черных соболей,  
Сорок тысяч золотой казны.  
Примай от меня да дани-пошлины  
Да без бою, без кроволития». —  
«Я не приму от тя дани-пошлины  
Без бою и без кроволития».  
Говорит нынь Василей наш:  
«Принимай нынь дани-пошлины  
Без бою, без кроволития. —  
Давай теперь играть со мной:  
Мы играть станем нынь во шахматы».  
Да во первый раз Василей ступил,  
Во второй раз Батуй-от сходил,  
А во третий раз ступить не мог.

Тут схватил Батуй Васильюшка,  
Он брал за праву руку,  
Он повел вон на улицу,  
Посадил в башню заугольную,  
Он навесил замок тяжелый тут.  
У Добрыни нож стал ржавиться,  
Стал он ржавиться, кровавиться.  
Говорит Добрыня Олешеньке:  
«Знать он, добрый молодец,  
В неволе сидит-то посаженной».  
И он скочил на добра коня,  
Покатилсе во чисто поле.  
Он оставил Олёше нож,  
И поехал наш Добрынюшка  
Ко Батую Кайманову.  
Он скакал через стеночку,  
Через стену городовую,  
Он поставил коня доброго,  
Он оставил не приказана,  
Не приказана, не привязана:  
«До моего коня и дела нет».  
Прямо едет он в гридню светлую.  
Он не спрашивает у дверей придверничков,  
У ворот приворотничков.  
Как осердился наш Васильюшко,  
Расходилась кровь горячая,  
Распалилось ретиво сердце.  
Он встает на резвы ноги,  
Отворяет дверь с ободвериной:  
Перед им ведь Добрынюшка Микитич же.  
Впереди идет Добрыня нынь,  
А позади его Васильюшка.  
Они бежали в гридню светлую  
Ко Батую Кайманову:  
«Принимай дани-пошлины,  
Завалились за двенадцать лет,  
Без бою, без драки, без кроволития». —  
«Не принимаю я так дани-пошлины  
Без бою, без кроволития».

Говорит нынь Добрынюшка Микитич же:  
«Ну и теперича нам бы да Олешенькю».  
Тут Олеше не стерпелосе,  
Он поехал в тое времечко  
Ко Батую Кайманову.  
И они так же пришли да нынь  
Да во гридню во светлую,  
Да во лежню во теплую.  
Собирались тут богатыри,  
Нынь богатыри могучие:  
«Примай дани, примай пошлины  
Без бою, без кроволития». —  
«Я не примаю нынь так от вас  
Без бою, без кроволития».  
Тут говорят сколько ребята же,  
Побегаёт наш Добрынюшка,  
Наш Добрынюшка Микитич же,  
Он ко своему коню ко доброму.  
Навалилась тут сила тотарская:  
Как бы ныне в поле чернь чернеется —  
Все наскакивают на Добрынюшку,  
Не дают ему волюшки.  
Он и сел на добра коня,  
Он рубил-косил силу великую.  
Как и сколько он бьёт,  
Друга столько конь топчёт,  
Тут рубил-топтал у нас Добрынюшка.  
Да Олешенька Попович млад  
Да ничего не разговариват,  
Побегаёт он ко своему коню доброму,  
Ко добру нонь коню стоялому —  
Тут тотара на его наскакивают.  
Он бы взял тотарина да за резвы ноги,  
Он и тут приговариват:  
«Как кость на кость ныне не сломится,  
Еще жила на жилу не погнется».  
Он тотарином помахиват,  
Ко коню приближается,  
Заскакиват Олеша на добра коня,

Он секет-рубят силушку татарскую,  
Забивает нынь силу великую.  
Тут поехали ребяташки:  
Один идет по ту руку,  
Он рубит другой другу сторону —  
Они идут ко Батую в гридню светлую.  
Тут Василей уговариват,  
Всё Батую дань наваливат.  
Рассердился наш Васильюшко,  
Побегаёт вон на улицу,  
Он садился на добра коня,  
Он рубить стал эту силушку.  
Они бились нонь, ратилисе,  
Они с утра день до вечера,  
Еще темну ночку до бела света.  
Нет устатку добрым молодцам  
И добрым коням отдóху нет.  
Они трое суток тут билися,  
Всех они выбили до единого.  
Воротилисе ребяташка  
Ко царю ко Кайманову,  
И заскакивают ребяташка  
Как во гридню во светлую,  
Как во лежню во теплую,  
Говорят таковы слова:  
«Принимай от нас дани-пошлины  
Без бою, без кроволития». —  
«Нет, не приму я нынь дани от вас  
Без бою, без кроволития».  
Тут схватился Васильюшка,  
Он бросался к Добрынюшке,  
Да Добрыня к Олешеньке,  
Да Олёша живота лишил.  
Тогда поехали к белым шатрам,  
Ко дружинишке хорошей.  
Ее кличут они громким голосом,  
Глядят во трубочку подзорную,  
Закричали громким голосом:  
«Подбегайте, наши друзья-товарищи,

Нынь теперь ко шатрам белым,  
Вы не бойтеся теперь силы тотарские».  
Подбегают тут ребятушка  
Ко крутой горы, ко бережку,  
Как бы к тем ко белым шатрам.  
Тут ребятушка возрадовались,  
Что у нас воротилисе.  
Говорит тогда Васильюшка Касимирович,  
Говорит таковы слова:  
«Вы, дружинушка хорошая,  
Нынь заводите на корабли добрых коней,  
Побежим в стольний Киев-град».  
Нагрузили чистым золотом,  
Нагрузили целы корабли,  
Наклали двенадцеть кораблей,  
Побежали в стольний Киев-град.  
А там давно старой ходит, посматриват,  
В золотую трубочку поглядыват:  
«Наш Василей Касимирович бежит,  
Целы карабли золота тащит».  
Тогда встречали все радёшеньки.  
И подбегает сам Владимир-князь.  
Тут встречают добрых молодцов  
Поленицы приудалые,  
Да они люди торговые,  
Тут встречают добрых молодцов,  
Тут пошел у них почестен пир.  
Тут пошло пиrowанье-столованье.  
(Вот тут и конец.)

*(Зап. Колпаковой Н. П.: 9 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.